

S

Сибирские огни

АВГУСТ • 1962

8

Сибирские ОГНИ

Союза писателей РСФСР
и Новосибирского
отделения
Союза писателей

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Оскар ХАВКИН. Время снажет. Повесть. 3
Георгий ЛОСЬБЕВ. Записки народного следователя. Окончание 82

Елена ЖИЛКИНА. Я принимаю шторм... Речка. Костер. 120
Станислав СЕРИКОВ. Тунгусский метеорит. 123
Николай МАЛЫШЕВ. Палатка. Новый адрес. «Незабудки...». 125

Мы идем к коммунизму

Анатолий ЗЯБРЕВ. Позывные в Галактику. 127

Александр ДУНАЕВСКИЙ. Иду за Гашеком. 145

Критика

Анат. ГОРЕЛОВ. Голос совести. 167

Книжное обозрение

В. МИХАИЛОВ. «Байкал, 1961». А. АБРАМОВИЧ. В остром сатирическом жанре. Л. ФИНК. О жизни, в которую влюблен... В. ДРОВОШЕВСКИЙ. Воспитывать правдой. В. СИЗЫХ. Роман по поводу. 179

Г. ПОПОВ, В. ЮМАШЕВ. Письмо в редакцию. 190

НОВЫЕ КНИГИ. 192

Обо всем, отовсюду

С. МАРКОВ. Письмо о «Стране Себур» (стр. 119). В. ЕВГЕНЬЕВ. Кладовая соли (стр. 122). В. МЕЛЬНИКОВ. Тобольские косторезы (стр. 124). С. МАРКОВ. Неугомонный Савва Фрянчуженин (стр. 189).

НОВОСИБИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

49957

8

АВГУСТ

Георгий Лосьев

**РАССКАЗЫ
НАРОДНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ**

Окончание. Начало см. «Сибирские огни» № 3, 1962 г.

ТАЙНА СТАРОЙ КОЛОКОЛЬНИ

Передо мной раскрытый том «Поднятой целины». В десятый раз перелистывая страницы шолоховской книги о великом крестьянском пути, я снова и снова ухожу мыслями в минувшее...

В памяти оживают полузабытые, скрытые туманом времени образы. Сибирские островные. Сибирские половцевы и лятвовские... Не давыдовы, а именно половцевы...

Память моя — память следователя.

Еще вспоминаются нагульновы. Замечательные люди своего времени: бескорыстные, пламенные, искренне верившие, что, если хватить по столу рукояткой нагана и прикрикнуть на сомневающегося, коммунизм, — самое позднее, — через неделю... Богатые жаркой верой и бедные терпением макары, на которых время валило шишки.

Половцевым, островным кабинет райуполномоченного ОГПУ и камера народного следователя были итоговой чертой в жизни. Для макаров, страдавших головокружением, — спасительным нашатырем.

Да, половцевы, островные... Были, конечно, и давыдовы... Но они не для записок следователя. Давыдовы — романистам.

Пусть расскажут о сибирских давыдовых будущие авторы будущей «сибирской» «Поднятой целины».

Зима побелила стежки-дорожки, ведущие в тысяча девятьсот тридцатый. Наступило самое тревожное время коллективизации. Шло фронтовое наступление на кулака.

Сильнее хватили по кулацким закромам и кошарам, да, запутавшись в сложной наркомземовской социологии — «зажиточный», «крепкий», «маломощный», — ненароком зацепили кое-где середняка!

Кулак шибко осерчал на бедноту, вывернул половицу в амбарушке, извлек на лунный свет не обрез-коротышку, а полномерную трехлинейку, заботливо смазанную на случай еще во времена «дружин святого креста», сплотился сам, подманил к себе забитенного середняка из «крепких»...

А тут еще города начали чиститься от всяческой уголовной накипи. Уцелевшая шпана потекла в деревню, пополняя кулацкие «формирования».

Тогда кулак объявил советской власти открытую войну и бросился в контратаку. Это был уже не трагический фарс «локальной» огоньковщины...

По алтайским сопкам скачут обвешанные оружием бравые всадники Карман-Кучерявого. Рыщут по ойротским аулам и русским селам забубенные казачки колчаковского недобитка — есаула Кайгородова. Полыхает в Уч-Пристани пламя «волынки» Иуды-Добытина...

В наши места летят искры недалекого муромцевского пожара. Конница Шаркунова уже процокала копытами в северный угол соседнего района, куда ветер контрреволюции принес тлеющие муромцевские головешки...

У Лыкова лицо, доселе круглое, вытянулось. Под глазами набрякли желтые мешки. Щеки ввалились, обросли щетиной.

Дьяконов неделями мотается в седле из деревни в деревню, нащупывая разномастных половцевых, и я перестал корпеть над отписками «законникам».

Я старательно выкорчевываю из молодых колхозов залезших туда хитроумно-хозяйственных островных.

А на дальних заимках плачут гармошки, лихо гремят бубны, и половицы стонут под коваными сапогами прощальных кулацких гулянок.

После попок кулаки бьют в спины коммунистов винтовочными пулями, швыряются в бедняцкие избы ружейной картечью.

Сельсоветчики и члены комбедов отодвинули обеденные столы от окон, жен и детей тайно посылают ночевать к соседям, а сами спят на печных кладках-лежанках, выставив к двери ствол взведенной берданки...

На дорогах, ведущих к райцентру, днем и ночью горят костры. Окрик: «Стой... Кажи документы!» гасит тележный стук или шелест дровней.

Комсомольские дозоры и патрули.

В деревнях ночами тайно бьют скот. Утром улицы пахнут кровью и гарью...

В один из таких дней, отложив в сторону ворох «Дел», помеченных пятьдесят восьмой статьей, я отправился к Лыкову.

Секретарь райкома был в ажитации и «крыл» председателя РИКа Пахомова.

— Я твоё сопротивление на бюро поставлю!.. Это оппортунизм чистой воды! Ты и без того достаточно зарекомендовал себя как бюрократ, чинуша!.. Без бумажки часу не проживешь, а под носом у тебя черт знает что творится!

— То же, что и под твоим. Носы у нас одинаковые.

Пахомов сидел на протертом до дыр райкомовском диване спокойно и невозмутимо. Но в глазах — злость.

«Упрямя и недальновиден», — сказал про него Дьяконов при первом знакомстве.

Внешне Пахомов походит на Лыкова. Такой же громоздкий. И лицом широк. Только усов нет и голова в густой седине. Похожи. Но не характерами.

Лыков — живой и общительный. Пахомов — угрюм и замкнут. Лыков скор на решения. Пахомов — медлителен. Для Лыкова всяческая разновидность «формы» — неизбежная, но практически бесполезная вещь, временная необходимость в переходное к коммунизму время. Для Пахомова «форма» — важнейший атрибут государственности. Лыков райкомовскую печать держит в кармане, завернутой в газетный клочок. Пахомов для своей печати заказал специальный футляр-цилиндр с отвинчивающейся крышечкой и каждое воскресенье чистит печатный герб зубной щеткой... Лыков — потомственный пролетарий, сын слесаря и сам слесарь-питерец. Пахомов — из местных крестьян-отходчиков. За плечами Пахомова три войны: русско-японская, империалистическая, гражданская... В семнадцатом вступил в партию. До Колчака был председателем сельсовета и волвоенкомом. В белогвардейщину — партизан, командир крупного отряда.

Потом, пять лет, — начальник уездного угрозыска.

Среди районного актива Пахомов слывет законником и бюрократом. Мне он каждый месяц аккуратно шлет счета за отопление камеры риковскими дровами. Я не менее аккуратно возвращаю их обратно с отношением: «За неотпуском средств на отопление оплатить счет не имею возможности».

Так тянется все три года. Бумажки подшиваются во «входящие» и «исходящие». Переписка ничуть не отражается на снабжении камеры дровами. Березовый «швырок» отличного качества, сухой и жаркий, риковские конюхи привозят в любом количестве и по первому требованию Желтовского, ведающего нашими хозяйственными делами.

Таков Пахомов. Райсполкомовские машинистки прозвали своего патрона — «Препинание». Может быть, за орфографические требования, а может быть, за то, что лишний денек для покоса или других дел у Пахомова не выпросишь...

В неурочные часы крестьянин приема не добьется, но если, войдя в кабинет, снимет шапку, председатель РИКа оборвет приветственные слова и скажет: Накройся! Я тебе не волостной старшина!..

Если отказ в чем-нибудь — накрепко. Если разрешит — сам проследит, чтобы выполнено было сразу.

Онисим Петрович как-то в разговоре несколько раз назвал Пахомова «Ваньша». Тот не обиделся. Крестьяне зовут предРИКа «Иваныч», «Наш Иван».

Новый заврайземотделом, приехавший на место снятого с работы Косых, после первого знакомства с председателем пожаловался Лыкову: — Тяжелый... неприятный человек! Какая-то угрюмость, отчужденность!..

— Да, есть... У Пахомова вся семья расстреляна колчаковцами. Живет одиноко...

Лыков ходит по кабинету, заложив руки в карманы. Круто останавливается перед Пахомовым.

— Тебе, следовательно, неважно, что меня сюда Цека направил. Я представляю здесь волю партии!

— Ты еще не партия...

— Так... Ну, а если будет решение партбюро — выполнишь?

— Не будет решения. Я член бюро. И еще найдутся. А если будет — все равно не выполню...

— Ты прежде всего — коммунист? Или нет?

— Коммунист. Но незаконного решения выполнять не стану.

Лыков смотрит на меня.

— Слушай, что нужно сделать, чтобы закрыть церковь и разобрать на дрова?

— Какую церковь?

— Все равно какую! Речь идет о Воскресенской церкви...

— Чтобы разобрать на дрова — нужны топоры и пилы. Чтобы закрыть — нужно решение общины верующих...

— И этот... тоже — «законовед»! А постановления схода, сельского собрания — недостаточно?

— Нет, недостаточно... Почему вдруг так загорелось, Семен Александрович?

— Вот то-то и есть, что не загорелось! Ракитинская, было, загорелась, а эту черт не берет! Вернее, кажется, забрал в свое заведывание!.. У тебя ко мне дело?

— Да так... Потолковать, посоветоваться...

— После. Дай сперва доругаться с Иваном Ивановичем. Пройди в инструкторскую. Там Тихомиров сидит — уполномоченный по Воскресенскому кусту. Он тебе расскажет про святых духов... Скажи, я велел. Тихомиров, мрачный и злой, рассказывает...

После каждого постановления сельского совета о раскулачивании того или иного богатея с церковной колокольни, открытой и пустующей, срываются и летят над селом певучие, печальные, заунывные звуки похоронного звона...

— Динь... динь... динь... — имитирует Тихомиров. — Вроде бы отпевают. Только — пожиже, глуше... А на колокольне — никого. Колокола не шелохнутся и безветрие полное...

— Каждый день, в определенное время?

— Я же говорю: в те дни, когда выносятся постановления о раскула-

чивании. Кончится заседание и — через полчаса над селом этот самый звон. Что интересно, товарищ: число ударов каждый раз точно соответствует числу детей кулака... Понимаете, какая провокация?! По селу шепотки: «Бог о сиротах печалуется!» Мужики в сторону отвертываются, бабы плачут. При агитобходах — наш в сени, хозяева — вон из избы! Старухи открещиваются, ребятишек страшают: у советчиков-то, дескать, под шапкой рога! И, как только с колокольни брякнет, — по селу один разговор: «Ангелы господни незримо к колоколу спускаются и божьих сирот отмечают». А вчера уже пошло на угрозы: скоро, мол, должен колокол грянуть набатом, и тогда — коммунистов бог велит изничтожить... Вот какая пакость! Актив духом пал...

— Постой! А ты сам разъяснял, что никаких сирот не предвидится, просто выселяем папашу в другие места и заставляем трудиться. Честно. Без эксплуатации...

— А то нет? Да что толку! Закрыть бы церковь и колокольню снести! Все равно поп из села сбежал...

— Ничего не выйдет.

— И Пахомов говорит: нельзя.

— Ты поднимался на колокольню?

— Два раза лазил на чертову звонарню, да ничего не разгадал. Постройка ветхая, дерево почернело от времени. Сделано по-старинному: не впритык к церкви, а поодаль... Три колокола. Два по бокам, в середине — главный. Здоровенный! Старого литья медь... Весь в непонятных письменах. Била-языки привязаны крепко и, видать, давно. Узлы мало что не срослись. Веревки старые, плесневелые...

— Церковь запирается?

— Заколочена совсем. Не работает церковь. Мы по ночам следили: не прячется ли кто? Нет, брат, никого не высмотрели... Что же делать, товарищ следовательно?

— Лыков скажет...

— Да Лыков сказал: «Продолжать коллективизацию!»

— Так чего ж еще? Продолжайте!..

Я простился с Тихомировым, не стал дожидаться конца ругачки «вождей» и, по обыкновению, направился к Дьяконову посоветоваться.

— Слышал про воскресенские дела?

— Слышал... «Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он...».

— Вот именно: много дум наводит.

— Да... Странная история. Мой актив докладывает: никаких следов вокруг колокольни нет, и снег на ступеньках лестниц не тронут... Вокруг — пустырь.

— Слушай, Виктор Павлович: а если из церкви — рогаткой?

— Мысль не блещет свежестью и оригинальностью. Меня она тоже осеняла. Ерунда, друг!.. Не получается. Мой человек пишет — снег и вокруг церкви абсолютно чист. Ни следочка. А воздухоплавание в нашем районе не развито. Вот разве — «ангелы»?

— Смех смехом, а дело неприятное...

— Верно. «Религия — опиум народа!..» Тебя Лыков еще не турнул в Воскресенское? Не теряй надежды: сегодня же турнет! Они там сражение кончили?

— Ты откуда знаешь?

— Я в окно видел, как Пахомов в райком входил. Значит, обязательно — «битва русских с кабардинцами»... Сейчас они кончат и за тобой, как за известным в районе специалистом по борьбе с нечистой...

На столе зазвенел телефон.

— Да. Он у меня сидит. Толкуем об этом же... Хорошо, передам.

Положив трубку, Дьяконов подмигнул мне и потер руки.

— Как в воду смотрел! Велено тебе отправиться в село Воскресенское и вступить в борьбу с потусторонним миром. Приказано считать партийным заданием... У тебя к маузеру патронов много?

— Много — не много, а есть...

— Одолжи мне взаймы. Лишку не давай — все равно не возвращу, а с десятком... обойму. Дашь? И сам маузер возьми.

— Ты что-то интересное замышляешь, Павлыч?

— Поедем вместе. Ночью... По дороге расскажу.

Гнедко, заменивший погибшего на немецком хуторе Карьку, выбивал копытами снежную пыль. Я правил. Дьяконов, уткнув нос в ворот тулупа, без конца тянул одну и ту же мелодию из «Корневильских колоколов».

— Тики-тики-тики... Тики-тики, дон...

— Тпр-р-у! Вылезай, Виктор! Потопчемся...

— Не хочу! Сколько проехали?

— Верст десять. Половину... Ты обещал что-то поведать?..

— Обещал. Ничего не поведаю.

— Свинство!

— С одной стороны — да. С другой — нет. Хорошо! Скажу коротко: я знаю, что в Воскресенском сейчас сидит матерый черт, выходец из глубокой преисподней. Но не радуйся — к колокольному звону он никакого отношения иметь не может. Он другого плана. Более серьезного... Словом, вот что: на мою помощь в этих «Воскресенских колоколах» не рассчитывай. Мне просто нельзя размениваться. А я на твою помощь рассчитываю. Так что копайся в звонарне сам, один. Но держись начеку... Где хочешь остановиться? Воскресенцы — народ богатый и гостеприимный...

— Только в сельсовете.

— Добро. Там и ночуй. А я буду жить поврозь с тобой. В другом конце. Пока все. Погоняй, Гоша! Холодно!

Поздно вечером мы въехали в большое село. Проезжая мимо темной громадной церкви, я придержал лошадь. От колокольной отделился тулуп с винтовкой и подошел к нам.

— Здравствуйте! Старший милиционер Прибыльцов.

— Здравствуйте, товарищ Прибыльцов. Вы что тут торчите?

— Тихомиров просил подежурить.

— Ну и как?

— Да никак. Тихо. И с вечера тихо. Не звонит...

— Вы меня знаете?

— Так точно, товарищ следователь.

— Идите домой. Нечего тут мерзнуть. Утром приходите в сельсовет. Дьяконов вылез из саней, сбросил тулуп в кошеву.

— Бывай здоров, следователь!

И зашагал куда-то в сторону.

Утром я поднялся на колокольню. Высоко!.. На здоровенных балках висят три колокола. Языки, действительно, крепко привязаны веревками к баллюстраде. Средний колокол — великан, не под стать сельской церкви. Сквозь облепивший его снежок просматривается густая рельефная славянская вязь...

Пол звонарни еще крепкий. Ходить можно без опасения, но добраться до колокола с пола — нельзя.

— У вас лестница приставная есть? — спросил я у присутствовавшего при осмотре старичка, церковного старосты.

Староста погладил пегую бороду и взглянул на пономаря, сметавшего метлой снег с баллюстрады.

— Поломатая... — вздохнул пономарь. — Ишшо с войны поломатая... Должно, в дровянике, как не сожгли...

— Не лазим мы на верхотуру-то, — сказал староста. — Ни к чему. Ево, большой-то, как стеганешь билом — всю пыль, ровно ветром, сдует.

— Интересный колокол... Старинный, наверное?

— Древнее творение... На ём цыфирь выбита и начертано уставным письмом: «отлит сей колокол в тыща пятьсот семьдесят осьмом году». Это, ежели по-нынешнему, юлианскому, летосчислению. Во царствование великого князя и государя Иоанна Четвертого... Вон куды евоинное время-то доходит!.. До ривалюции служил у нас один иерей. Знаток был по уставному письму. Он и прочел. И еще сказывал: писано на колоколе — чистого серебра влито в него, уж не упомню, сколько-то пудов... Знаменитое творение...

— Значит, красивый звук? Серебряный?

— Что твой хрусталь! До того звонко да напевно!..

— Как же попал сюда этот колокол?

— Тут, батюшка, цельная история с географией... Верить, не верить ли, но я сам от деда слышал, а покойник правдив был... При великом Петре губернатор сибирский жил. Гагарин-князь. И был тот губернатор несусветный притеснитель народу. Обирал да казнил правого и неправого. Особенно с купечества не токмо что три, а все семь шкур драл!.. Вот, единожды, томское да каинское купечество храбрости набралось и — царю на свою Ирода челобитную!.. Насмелились. И что же вышло? Вышло по купечеству. Рестовать царь приказал Гагарина! Привезли князя в город Санкт-Питербурх и — того!.. Голову с плеч!.. Крутенок Петр Алексеич был на расправу с врагами мирскими!.. Ну, сказнили владыку лютого, неправедного, и тут государь объявил томскому да каинскому купечеству свою волю: де, мол, я — ваш заступник, а теперя вы за Расею заступитесь... Ему тогда пушки шибко зандобились. Давайте мне, господа купцы, сказал государь, колоколов на перелитье. На пушки, то ись... Не хочу я, молвил, силком колокола снимать, а казна расейская ноне оскудела. Вот вы, господа купцы, и купляйте мне, где ни на есть, колокола!.. Купцы, конечно, бухнулись в царские ножки: мол, будет по-твоemu, ваше величество! И во все концы — гонцы!.. Понавезли вскорости колоколов в Санкт-Питербурх видимо-невидимо. Одначе царь — не бездумный: приказал в своем задворье поставить вешала и те колокола повесить, а сам вышел с палочкой — он завсегда с веским посошком гулял... Идет царь вдоль вешалов да посошком по меди постукивает. Слушает, значит, и приговаривает: энтот — на пушки... и энтот — туда же, в перелитье. А энтому и подавно — не гудеть коровьим ревом, а греметь порохом!.. Так Петр Алексеич дошел до нашего. Стукнул разок... А колокол-то как запоеет! Да того баско да хрустально, што государь даже шапку снял. Еще разок потревожил царь древнего певуна... Поет! Ну, господа купцы, — говорит государь, — это ж не колокол, а чудо царицы Пирамиды! Жить ему во веки веков! Везите вы его, — приказал, — во свою Сибирскую сторону, и пушай он звонит в мои, царские, значит, дни... Так и сбилось. По ево высокому слову. Повезли купцы находку в Сибирь. Обоз в сто лошадей шел, с подставами. И поехал певун от самой столицы, санным путем, до наших местов...

— А почему не в Каинск или не в Томск?

— Тут снова выходит — особь-статья... Воскресенское-то наше — древнее. И прямиком на великом тракте стоит... Воскресенское — не

обойти, не объехать... Так вот. Шел себе обоз, и все чин чином. Но под Воскресенском приключилась купцам лютая беда. Напали на обоз братья-разбойники. Сибирь — вольная сторона — завсегда глухим людом богата была. Агромадная шайка напала. Тут и случись чудо. Колокол на особых санях ехал, в десяток упряжек, посередь обоза. И он, самочинно, безлюдно, возьми и грянь набатом! Мужики воскресенские, прапрадеды наши, услыхали набат. Выбегли на дорогу: который с топором, иной с дрекольем али с вилами, а которые охотники — и с пишаль-самопалом! От того самого набату братья-разбойнички ужаснулись и кистеня свои пороняли. Тут их мужики и порешили... Стал обоз невредимо в селе. Старший купец возблагодарил господу и велел: строить в Воскресенском наилучшую церковь. Храм во спасение. От лютого врага, от разбойного люда, значит... Прочие купцы согласие дали. Пожертвовали от щедрот своих немалую толику и колокол оставили в нашем Воскресенском... С тех пор и пребывает у нас древнее творение. Такая история с географией...

— Действительно, и история и география. Любопытно. Очень любопытно!..

Старичок снял с головы старинную шапку-колпак синего плиса, отороченную вытертым лисьим мехом, истово перекрестился в сторону церкви и, снова водрузив колпак на облысевшую голову, посмотрел на меня в упор, с хитрецей...

— Самое любопытство, батюшка, еще впереди...

— Ну?

Староста окликнул пономаря:

— Порфиша! Иди себе с богом. Не надобен...

Когда Порфиша (лет семидесяти) спустился с колокольни, староста, чуть улыбаясь, сказал:

— Любопытство самое в том, что у народа нашего поверье: коли когда случится грабительство, нападение на крестьянство — колокол самочинно грянет набатом. Такие, выходит, дела... Ну, ежели я вам пока не в надобности — пойду. Ох, грехи, грехи!..

Мы спустились вниз. Я попросил старика вызвать в сельсовет всех членов церковного совета.

Прощаясь со мной «по ручке», староста, еще раз взглянув пристально в глаза, сказал многозначительно:

— Да, вот какое любопытное поверье у нас... Возьмите сие в толк.

Оставшись один, я внимательно осмотрел местность.

Голый пустырь, даже без обычной церковной ограды. От колокольни до церкви оказалось больше сотни размашистых шагов: о праще-рогатке не могло быть и речи... Нет, здесь не мальчишеская шутка.

В чем же дело?

Церковники на допросах были прямы, откровенны, и никакого сомнения в их непричастности к странному звону не оставалось.

Я чувствовал какую-то растерянность, столь вредную для следователя. Голову сверлила мысль: от «похоронного звона» до грозного набата, способного всколыхнуть взбулгаченное село, недалеко... Предотвратить, предотвратить!.. Намеки пегобородого старца не случайны.

Сельсоветчики сообщили: староста-середняк. Не из «крепких». Избирательных прав не лишался. Всегда был лоялен. И — незаметен...

— Ни туда, ни сюда, — сказал предсельсовета, — середка на половинку. Бездетный. Одна взрослая дочь. Живет не то чтобы, но в достатке... Самообложение — ни звука!..

— Верующий крепко?

— А черт его знает! Известно: старостой бы община не выбрала, если бы нашей веры...

Где же искать кончик той невидимой нити, которая протянулась к колоколу-легенде? Где начало ее, этой нити? Ясно одно: присутствие человека на старой звонарне исключается.

Вечерело.

Наскоро поужинав у председателя сельсовета, я побрел на квартиру Тихомирова. Приехавший раньше нас уполномоченный по коллективизации встретил меня неприязненно.

— Почему сняли милиционера?

— А чего зря морозить человека?

— Ну, этак вы до морковкиного заговенья проваландаетесь!

— Такие дела в один день не делаются...

— Смотри, как бы не опоздать, — угрожающе бросил Тихомиров и отвернулся.

— Подожди, не злись. Скажи лучше, кто у тебя в активе группы?

— Председатель — Мокеев. Извечный батрак. Коммунист... Учительша. Пожилая. Беспартийная, но наш человек. При Колчаке арестовывалась... Три бедняка здешних. Двое — коммунисты, третий беспартийный. Бывшие партизаны. Всех троих колчаковцы пороли... Известный тебе предсельсовета. Коммунист... Избач — молодой парень, комсомолец, из округа прислан... Еще Антипов, председатель батрачкама бывший. Коммунист... Я сам... Вот и весь актив. Село богатое, мужики зажиточные — большой бедняцкой группы тут не сколотишь.

— Ладно... Не теряйся, Тихомиров. Раскусим орешек!..

— Дай-то бог! Тьфу, пропасть — никак не отвыкнешь!..

Я усмехнулся.

Возвращаясь от Тихомирова, я раздумывал: заседания актива всегда строго засекречены. Следовательно, в первый день о принятом решении могут знать только члены группы. Между тем, число «звонков» всегда совпадает с числом детей раскулачиваемого. Значит, если оставить в стороне пока что не разрешенные «технические вопросы», есть основание считать разрешенным другой вопрос: в группе бедноты сидит предатель! Попробуем зайти с этой стороны...

Ночью выпал свежий снежок-пороша. Улицы и крыши обросли двухвершковым белым пушком. Хорошо бы сейчас зайца потропить!

— Ох, и не говорите! Прямо душа не терпит! — согласился милиционер Прибыльцов, с которым я на рассвете поделился охотничьими соображениями. — Сейчас косога проследить: раз-два и в дамки!

— Вот и давайте, начнем сегодня охоту... Отправляйтесь на квартиру Тихомирова и тихонько скажите, что я прошу провести заседание как можно раньше. Часов в двенадцать дня. И обязательно — в полном составе. А потом вернетесь ко мне.

— Слушаюсь!

В полдень мы с Прибыльцовым обошли церковь и колокольню, сделав окружность. Никаких следов на белой целине.

— Да... Заяц не бродил...

Милиционер смотрел на меня непонимающе.

— Вам, товарищ Прибыльцов, придется опять здесь подежурить. Часа три-четыре. Не замерзнете?

— Привык уже.
— Время от времени делайте обход. Чтобы ни одна душа не прошла в наш круг.

— Слушаюся!

В час дня председатель сельсовета стал надевать шубу.

— Пойду. Поди, собрались все.

И шепнул мне в ухо:

— Седни Крюкова будем решать!.. Ух, зараза! При колчаках дружина святого креста у ево каждый наезд ночевала. При царе Николашке бакалейку держал...

— А батраков?

— Не-е! Крюков — умный! Знает чо к чему. Он скотом промышляет. И по сю пору в ево пригонах коровенок до сорока, а овечек — и не счесть! По весне окрестным мужичкам втридорога продаст. А то — под отработку. Клин у ево, благодетеля, — глазом не охватишь!.. В пашанице купаться может. А батраки — это нет. Мол, дело полюбовное: я тебе овечку, ты мне на десятинах — своево поту!.. Вот какой гад! Одно плохо: малолетков пятеро...

— Ничего не поделаешь, председатель. Лес рубят — щепки летят...

— Да уж считаться не будем. Под ноготь, гада!..

— Долго просидите на заседании?

— А чево чикаться? Всем известная вражина...

— Вот что... просьба у меня: запомни, кто в группе первый спросит, сколько детей у Крюкова. Кто из членов первым поинтересуется. Понятно?

— Чего ж тут не понять? Значит, кто первый о детях заговорит... А если не заговорят?

— Не заговорят — не надо... Сами этот вопрос не поднимайте, ни в коем случае...

Часа через полтора предсельсовета затоптался на крыльце, стряхивая снег с валенок. Вошел возбужденный.

— Записали!.. Пушай проедется с ветерком в северные страны. Вечор на ево добро замки навесим, поставим караулы. Поутру возьмемся всей беднотой...

— Против не было?

— Нет. Единогласно!

— А как с моей просьбой?

— Чуть не забыл!.. Протокол писал избач, Поливанов Федьша. Он и спросил. Избач-то в селе человек новый, недавно у нас... Ну, я велел в протокол не записывать.

— А раньше записывали состав семьи раскулачиваемых?

— Да, вроде, нет. Разговоры, конечное дело, — были...

— Избач молодой, пожилой?

— Молодой... Калека он. Хромоногий. Окроно прислало. Славный парнюга. Толковый да безотказный...

— Подскажи: где живут члены группы бедноты. Я хочу поговорить с каждым...

— Дойдете до проулка, влево отсель, там спросите, в которой избе Мокеев Андрюха — председатель группы... Он вам все обскажет и проводит. Может, коня запрячь?

— Нет, пешком схожу.

Я брел по широкой улице и размышлял: можно ли положиться на субъективные восприятия от будущих знакомств? Если и появится интуиция, не уведет ли она от истины? Впрочем, что другое можно сейчас предпринять? Пока — ничего!..

Впереди замаячила церковь. И вдруг — я остановился...

По селу пронесся тонкий, легкий, но слабый, как отдаленный стон, звук. Будто натянутую струну отпустил музыкант, и она пожаловалась певуче: тлинь-п-нь...

Вот оно! Струна пропела с короткими равными промежутками пять раз. И все замолкло.

Пять детей у раскулачиваемого Крюкова!.. Скорей, скорей к церкви!

Но меня уже опередили. На почтительном расстоянии от колокольной стояла группа сельчан. Перешептывались, смотрели ввысь, словно старались увидеть небесного посланца, пробудившего к жизни древний колокол.

— Слышали? — спросил подошедший Прибыльцов и кивнул в сторону крестьян: — Они уже давно собрались. Вроде знали, что звук будет...

— Прибыльцов! Идите сейчас же по дворам, разыщите приставную лестницу и тащите сюда!

— Слушаюсь!

Пол звонарни под колоколами был покрыт чистым и ровным ковриком свежесвыпавшего снега. Стараясь не потревожить белый пушок, выбирая место для каждого шага, я стал обходить площадку, не сводя глаз со снега, налипшего на «древнее творение». Наконец-то! Вот она, осыпь снега на колоколе... Пятнышки чистого металла! Конечно — следы ударов!.. И кучки снега на белой пелене площадки могут быть хранителями тайны. Значит, кто-то, чем-то, откуда-то бросался? Так или нет? Только так... Откуда? «Угол падения равен...» Впрочем, это сейчас не имеет значения. Что же могло быть?.. Неужели!.. Но ведь тогда грохот выстрелов, визг рикошетов... К черту рукавицы!.. Осторожно, осторожно! В полу щели... Стоп! Есть!.. А ну, еще попробуем... И тут — есть!

Я снял шапку и подставил воздуху разгоряченное лицо, перевел дух. Как я мог забыть о существовании такого нелепого, непригодного в бою, но — оружия?! Прицельный выстрел на двести пятьдесят шагов — гарантирован. Не только по огромному колоколу, но, если глаза хорошие, — то и в человеческую голову!.. Главное: если на воздухе стрелять — почти бесшумно. А если в форточку, из помещения — абсолютно бесшумно!..

— Прибыльцов! Брось лестницу. Не нужно. Лезь!

Скрипят ступеньки.

— Смотри сюда, товарищ старший милиционер!..

На моей ладони три грибовидных крохотных кусочка сплющенного свинца. У Прибыльцова глаза круглеют...

— Малопулька!

— Так точно. Здорово, а? И не слышно, и не видно. Вали на ангелов! Думай что хочешь!

— А почему рикошетов не было?..

— Потому что огромный вес колокола и его висячее состояние поглощали ничтожный вес пульки. Начальная скорость ее очень мала... И еще потому, что пули выпускались под прямым углом. Отсюда и грибовидное плющение. Свинец-то много мягче, чем этот медно-серебряный сплав! Разбираешься?

— Вроде...

— Под прямым углом... под прямым углом... Теперь поищем, товарищ милиционер, прямой угол. Поищем, поищем... Так... Церковь не совпадает. Скольжение получается. Тут обязательно были бы рикошеты. Значит... Значит. Вот тот двухэтажный дом, на отлете. Перед ним и за ним — пустошь... Да, если мысленно протянуть линию... Ты не знаешь, чей это дом?

— Так то ж читальня здешняя... Не жилой он, дом-то. Хозяина прошлый год, осенью шуганули. Кулак был первый здесь. Кажись, в доме-то избач нонче живет. Наверху... А внизу — читальня.

— Избач, говоришь? Хорошо, что избач. Это, брат, просто. замечательно, что избач! Пойдем-ка, товарищ милиционер, знакомиться с избачом. Он одинокий?..

— Не знаю. Видел я его раза три тут. Молод, а хром...

— Спускайся, Прибыльцов.

Избач — парень лет двадцати, с лицом, на котором словно навсегда застыло выражение недоумения. Таких крестьянских парней рисовали передвижники. Толстогубый, с полуоткрытым ртом и крупными веснушками на переносье. Внешнее впечатление — тупица. А поговоришь — удивишься. Хоть речью владеет плохо и ничем она не отличается от речи окружающих его крестьян, — чувствуется в парне природный ум, сообразительность, вместе с хитростью... Такие парни-парадоксы сейчас не встречаются. Тридцать лет не даром прошли. Разъезжая по современным колхозным селам, я дивлюсь: да где же они, вислогубые, косноязычные, месяцами нестриженные, в одежде неряшливые?.. Нет их... Унесли волны жизни этот тип крестьянского парня-лапотника в небытие. Но в конце двадцатых, в начале тридцатых годов еще попадались такие.

— Неважно у тебя, Федя Поливанов, в читальне. Грязно, запущено. Газеты не подшиты, шкафы с книгами в пыли. А главное — холодно! Кто сюда пойдет?.. Почему ты дров в сельсовете не требуешь, уборщицу-истопницу?..

— Вы еще не все перечислили, — избач Поливанов, прихрамывая, подал мне стул и вздохнул с горечью: — Вторых рам нет. Порастащили, когда раскулачивали Безменова, хозяина дома... В печах дымоходы обвалились, половицы прогнили, венцы подводить нужно... Я говорил, говорил... Да разве сейчас до этого?!

— Почему же не до этого?

Парень ответил по-газетному:

— Сейчас главный удар — по кулаку! Вот справимся с коллективизацией, тогда уж всерьез — за книгу. А сейчас... война!

— Через край берешь, Федя Поливанов. Через край... Комсомолец?

— Конечно. Я в детдоме воспитывался...

— А как ты смотришь на историю с колокольным звоном?..

— Да что ж я? Тут и поумнее меня — ничего сообразить не могут... Вот разве вы что-нибудь выясните или Виктор Павлович. Только он не интересуется...

— Ты знаешь Дьяконова?

— Господи!.. Он же меня в детдом определил. Еще в двадцать втором году. Мы оба с Алтая... Я по линии крайоно переведен...

— Вот что, Федя. Покажи-ка, где ты живешь. Хочу посмотреть твое житье-бытье...

— Пожалуйста. Только не прибрано у меня... Сюда, по лестнице... Темновато. Не оступитесь.

Комната избача была светлой и просторной. Стояла убогая мебель: стол, заваленный книгами, топчан с тощим матрацем и подушкой без наволочки. Одеяло заменял тулуп... Тоже — холодно, грязно, неудобно... Солнечный свет, падавший сквозь пыльные стекла двух больших окон, не скрашивал, а, казалось, подчеркивал запущенность.

— Бить тебя, парень, за такую жисть! — покачал головой Прибыльцов, присаживаясь на колченогий стул. — Бить и плакать не велеть!.. Ты, что же, сюда на жительство прибыл али так, на побывку?

Воздух в комнате нежилой. Пахнет плесенью, сыростью, еще какой-то гадостью — от кастрюли, стоящей на подоконнике.

Чем так разит?.. Какой-то кислятиной! Я сделал несколько шагов к

окну, отодвинул кастрюлю с давно прокисшим супом и хотел распахнуть окно, но вздрогнул и застыл на секунду с протянутой к шпингалету рукой...

В щели разошедшегося подоконника поблескивала провалившаяся гильза от малокалиберной винтовки...

«Заяц» был выслежен и «заполеван»!

— Да, плоховато ты живешь, советский культурник!.. Сядь-ка за стол, избач, да положи обе руки на столешницу. Ну, ну, не стесняйся!.. А теперь скажи: где малопулька?

Избач побледнел.

— Ка-к-кая малопулька?

— Та, которая стреляет. Вот, на подоконнике — гильза. Да не ломайся!.. Ты же не барышня. Все равно все перероем, а найдем!

— Ах, эта? — насильно выдавил улыбку избач. — Так бы и спросили! Это не малопулька. Малопульками шомполки называются. А эта зовется — малокалиберная бокового огня...

Прибыльцов прикрикнул:

— Ты баки не вкручивай! Вот как дам по кумполу! Вы, товарищ следователь, выйдите: я с ним побеседую...

Но избачу, видимо, не нравилась перспектива такого тет-а-тет... Силась держаться веселее и беспечнее, он указал пальцем в сторону топчана.

— Под матрацем... Пожалуйста, берите. Ничуть не жалко! Эко добро — малокалиберка! Да мне она и ни к чему. Баловался.

Прибыльцов сбросил с топчана тулуп и матрац. На досках лежала изящная малокалиберная винтовочка.

— Где патроны?

Поливанов сделал совсем глупо-непонимающие глаза.

— Патроны? Где же у меня патроны? Вот побей бог, не помню! Запмятовал...

Милиционер подал мне находку, неспеша подошел к избачу, сказал медленно, с расстановкой:

— Стал быть, з-за тебя, гнус алтайский, столь ночей на морозяке я дрожжи продавал?! Ну держись, стрелок, буду вводить в память!

И беззлобно стукнул парня кулаком по затылку, поросшему густым волосом.

— Ой, не бейте, не бейте! — трусливо взвыл избач. — Все скажу! В углу корзина... Белье грязное...

В тряпье оказались две коробочки патронов и длинноствольный шестизарядный револьвер «смит-вессон».

— Еще есть оружие?

— Нету, нету больше, честное слово, истинный бог — нет! Не бейте!

— Молчи, гаденыш!..

Я распахнул створки окна. Большой колокол был виден отсюда, как на ладони. «Под прямым углом!» — улыбнулся я возвратившейся мысли... Зарядил винтовочку и стал палить по колоколу. Над селом поплыл чистый, певучий звон... Я стрелял и смеялся. Милиционер ошаривал жилище избача.

Федька Поливанов не отрывал глаз от столешницы...

В воздухе пели серебряные струны, к звонарне сбежался народ.

— Верно, с полсотни кулацких детей уже вызвонили, товарищ следователь, — улыбнулся Прибыльцов, когда я почти опустошил коробочку с патронами. — Поберегите заряды: поедем в обрат, может, лисичку зацепим...

— Правильно, товарищ старший милиционер. Не все зайцев тропить по пороше... Ну, двигай вперед, член комбеда!

Прибыльцов повел арестованного «задами», по глухой улице, но деревенский «телеграф» уже сработал. Когда я шагал в сельсовет, у колокольни стояла толпа. Посыпались вопросы и выкрики:

— Правда, что Федька-избач в церкву пулял?

— Иде ево девали, тварину?!

— Куды гнуса укрыл, товарищ райвонный?

— Отдавай нам Федьку!

— Добром просим!..

Я поднял руку:

— Спокойно, граждане, спокойно! Советский суд...

Но накал толпы не остывал.

— Отдавай! По-хорошему говорим!

— Слушайся мира, гражданин!

— Все одно: возьмем сами!..

— Мокро место оставим... Разнесем ваши ухоронки!

Сквозь толпу пробился прибежавший Тихомиров. Обещанием «лично» проследить за Федькиной судьбой, горячими словами унял разгоравшиеся самосудные страсти, но мне шепнул:

— Поскорей отправляй его в район! Ночью выкрадут из каталажки и пришибут!

Прибыльцов запрягал коня. Я заканчивал предварительный допрос избача... В сельсовет вбежал тяжело дышавший Дьяконов.

Выватив из-за пазухи маузер, бросился к Поливанову.

— Где дядя спрятан?! В какой комнате? Быстро, гадина!.. Убью на месте!

Глуповато улыбавшийся Федька побледнел и повалился Дьяконову в ноги.

— Ой, не стреляйте! Все скажу, все... Он меня заставил, убить грозился! Боюсь я, не стреляйте!..

— Где Захар, мерзавец?!

Федька закрыл лицо рукавом, трусливо забился в угол, заговорил быстро, быстро:

— В кухне дядя Захар. Виктор Павлыч, в кухне, один он, Виктор Павлыч, поспешайте, Виктор Павлыч, завтра уходит собирался...

— Скорей! — крикнул мне Виктор. — Прибыльцов! Оставайся здесь с этой тварью! Если полезут отнимать — стреляй! Разрешаю! За мной, Гоша!

Мы вскочили в упряжку, Дьяконов взмахнул кнутом, и сани понеслись вдоль улицы...

От избы-читальни к нам бежал человек с берданкой. Я выхватил пистолет, но Дьяконов, круто осадив коня, крикнул мне:

— Свой, не стреляй!.. Здесь он, Климов?

Человек с берданкой указал ружейным стволом на дом.

— За мной, Гоша! Климов — на пост!..

И соскочив с саней, исчез за дверью. Я бросился вслед...

Мы пробежали длинный полутемный коридор и оказались в просторной кухне купеческого дома, с плитой, по-городскому выложенной кафелем.

В кухне была вторая дверь, вероятно, ведущая в комнату кухарки.

— Открывай, Сизых! — грозно рявкнул Дьяконов, ударив в дверь ногой. — Открывай! Я — Дьяконов! Понял? Виктор Дьяконов!

За дверью опрокинулся табурет. Хриплый голос спокойно ответил:

— Сейчас... Держи, сволочь!..

Дьяконов успел толкнуть меня за печной выступ и сам отскочил за дверной косяк. Выстрел крупнокалиберного револьвера выбил щепу из филенки, пуля щелкнула в плиту и, разметав кафельные осколки, волчком завертелась на полу.

— Не дури, Захар! — тоже спокойно, даже миролюбиво, ответил на выстрел Виктор Павлович. — Бесполезно. Сдавайся или стреляйся сам... Слышишь?!

Из комнаты грянули два выстрела подряд. Снова пули защелкали по плите, выбивая осколки кафеля и кирпичную пыль.

Дьяконов, пригнувшись, перебежал ко мне. Жарко дыша, зашептал: — Не сдастся!.. Нужно бы его живьем — но не таковский! Придется давить огнем! Стреляй по углам комнаты... В полроста и вниз...

Пистолеты-пулеметы затопили кухню нестерпимым грохотом.

Полуоглохшие от своей стрельбы, мы слышали все же дикий рев боли и ярости, свирепую матерщину из разных углов комнаты. За дверью был опытный в подобных делах человек. Он непрерывно перебегал с места на место и продолжал посылать в кухню пулю за пулей...

Одна полоснула слегка щеку Дьяконова.

Наконец стрельба прекратилась.

По кухне ходили волны сизой гари бездымного пороха. Висела кирпичная пыль, пол был усеян мелкой щепой от искалеченной стрельбой двери.

Перезаряжая пистолет, я крикнул:

— Гражданин!.. Здесь народный следователь! Сдавайтесь!..

— Пригнись! — гаркнул мне Виктор.

И вовремя: воздух прошила новая пуля, шлепнула в дверной косяк рядом со мной.

Дьяконов отбежал к окну, встал на колени, и разорвав носовой платок, пытался перевязать рану.

В закрытой комнате слышались металлические удары. Рассыпались стекла...

— Сизых, не трудись над решеткой! — со смехом выкрикнул Виктор. — На улице Климов Арсентий!

Как бы в подтверждение, во дворе гулко ударила старинная военная берданка. Из комнаты снова вылетел бешеный, медвежий рев. Потом хлопнула печная дверца, послышался шелест бумаги...

Я водил стволом пистолета за этими звуками и, на секунду поймав верное направление, трижды нажал гашетку...

Невидимка охнул. На пол свалилось что-то тяжелое...

— Есть! — выдохнул Виктор. — Дверь!..

Мы ринулись вперед и плечами высадили полуразбитую пулями дверь.

В комнате корчился на полу грузный человек. Стеная и матерясь, он пытался поднять кольт, но окровавленная рука не повиновалась.

— Бумаги, бумаги, Гоша! — крикнул Дьяконов, наваливаясь на раненого. — Печка!..

Дверца голландки была открыта, струился едкий дым.

Я выгреб из печки ворох скомканных бумаг и тлевшие затоптал валенками. Дьяконов, заткнув за пояс отобранный кольт, подскочил к окну.

— Климов! Готово! Крой сюда!..

В комнату вбежал Климов со своей пищалью.

Мы вытащили раненого в кухню...

Ему было лет под пятьдесят. Лицо его, густо заросшее рыжей, с проседью, бородой, кривилось от боли и ярости.

— Здорово, волк! — весело, словно старому приятелю, сказал Дьяконов. — Вот и свиделись! Узнаешь? А Арсюху?.. Чего ж ты дурил? Куда пришлось-то?..

Рыжебородый, ощерив зубы, прохрипел:

— Фарт вам, сволочи! Добейте, что ли...

— А сам что же? — вскинул брови Виктор. — Время-то было... Струсил? На тебя не похоже... Куда ранен?

— В брюхо... Под вздох... Три, кажись... Да руки... обеи. Сдохну!..

— Вылечим, Захар!.. Ну, для начала: на кого работал?

Но Сизых сник, замолк и лежал неподвижно на полу, закрыв глаза.

— Доктора, Климов! Скорей доктора! — тревожно склонился над рыжим Виктор. — Может, удастся еще...

В коридор и кухню набились люди. Двое побежали за врачом. Кто-то стал перевязывать окровавленное лицо Дьяконова...

Прибежали Тихомиров с Мокеевым. Приехали на розвальнях врач и санитары медпункта. Наскоро перебинтовали рыжебородого, вынесли и стали укладывать в сани. Толпившиеся в коридоре повалили на улицу, окружили сани, всматриваясь в лицо раненого, переглядывались...

— Признаете, граждане-товарищи? — иронически взглянул на толпу Климов. — Он, он самый! Постарел малость, а все он — его благородие! Крюковский зятек...

Кто-то отозвался:

— Расшиби меня громом, впрямь он! Захарка Сизых, паралик его задави!

И загалдели все:

— Смотри, когда пожаловал сызнава!

— Знат, рыжий пес, иде жареным пахнет!

— Известно — учуял...

— И как вы его раскопали, товарищи?!

— Здорово он тебя, товарищ палномоченный, погладил? Ты езжай сам скорее на перевязку — может, отравлены жеребья... Така стерва все может!

— А вас, гражданин следовательно, не зацепило?..

— Айдайте ко мне, товарищи: я рядом живу, обмоетесь, и бинты найдем!

— Лучше ко мне: промыть щеку-то шпиртом. У меня шпирт есть, и самовар баба недавно поставила...

Я слушал эти, идущие от сердца слова скупой мужской ласки и думал: «Все! Лед сломался. Теперь набата не будет. Нет, не будет набата!..»

А Виктор Павлович шутил:

— Спасибо, спасибо! Ничего, обойдется... На мне, как на собаке, — полижу и заживет... Вот только старуха не поверит, подумает, что воскресенские девки ободрали. Говорят, у вас девки бедовые!..

Розвальни скрылись за поворотом. Следом за ними отправился Тихомиров. Толпа разошлась. Мы вернулись в дом. Климов остался с нами.

— Расскажи, Арсентий, следовательно про Захарку, пока я тут в документах пороюсь. Хорошо — не успел сжечь... Все яснее станет...

Климов усмехнулся:

— Тут рассказа не нужно... Сейчас...

Он сбросил с себя нагольный полушубок, повернулся ко мне спиной и закатал рубаху от пояса до ворота.

Спина его была покрыта поперечными белыми полосами-рубцами.

— А теперь ишшо покажу фокус. Што бы такое найти?.. Ага, вот.

Под кроватью лежал длинный тяжелый сверток. Климов вытащил его и, напрягаясь, поднял обеими руками над головой.

— Смотрите...

Я едва не вскрикнул: белые рубцы на спине стали кроваво-красными, яркими...

— Шомпола, — кратко пояснил истерзанный некогда человек, опуская сверток на койку. — Десять лет прошло, а под натугой — обратно сказывается... Шомпола!.. Захаркино угощенье...

— Разверни сверток-то, Арсентий! — сказал Дьяконов, собиравший полусгоревшие документы, сидя на корточках возле печки.

В свертке оказалось девять разобранных винтовок. Приклад десятого ствола валялся на подоконнике...

Дьяконов подошел к окну и потряс дребезжащую решетку.

— Да... жидковаты. А если бы выскочил, ты не промахнулся бы, Арсентий?

Климов ответил с обидой:

— Што ты, Павлыч!..

— Верно, верно... Извини, брат... С такой спиной, конечно, промазать — просто никак невозможно!.. Ну, неважно — кто. Важно — что! В общем — плохо. Ох, как его живьем надо было!..

— Авось сразу не сдохнет... — неуверенно заметил Климов.

Дьяконов сомнительно покачал головой.

— С такой начинкой и тигр не выживет... Слётай-ка, Арсентий, в сельсовет. Организуй сюда председателя да Мокеева... А мы со следователем покончим разборку бумажек... Интересные бумаги.

Климов ушел.

«Бумажки», действительно, оказались интересными. Большая часть их обгорела, меньшая сохранилась. Это были удостоверения личности, заменявшие тогда паспорта: чистые бланки с алтайскими штампами и печатями.

— Понимаешь, Гоша?..

— Понимаю. Кайгородовский посланец...

— Скорее — добытинский... Откровенно говоря, не думал я, что из Захарки Сизых выйдет «посол». Считал его заурядным бандитом.

— Люди «растут»...

— Справедливо...

— Откуда ты знаешь Сизых и Федьку?

— Давняя история. В двадцать втором познакомился. Мы тогда уже интересовались Захаром... Он, конечно, был рангом помельче. Просто командовал бандешкой, резавшей коммунистов, и базировался в «поместье» Федькиного папаша — Степки Поливанова, скотопромышленника. Сизых — брат супруги старшего Поливанова и зятек местного Крюкова. Родом он здешний, воскресенский...

— То-то его и знают...

— Еще бы не знать!.. При царе Захар был полицейским урядником. В колчаковщину не раз наезжал в родные места с карателями. Позже перебрался на Алтай... После первого знакомства со мной Сизых ушел с пулей в ягодице, а я отделался легкими ушибами: получил пять суток ареста за то, что отпустил...

После второй встречи я провалялся в больнице три месяца... Захар снова ушел... Были сведения — околачивался в Монголии. До поры до времени...

Вот и пришла пора.

— А Федька?

— Ох, и испортил, было, ты мне дело с этим сукиным котом! Чуть всю музыку не испортил... На кой черт ты его арестовал? Ну, отобрал бы винтовку, взял подписку о невыезде...

— Ты в уме? Провокатору, предателю, поджигателю набатной расправы с активом — подписку? Нет уж, уволь...

— Да мне его на два дня только и нужно было, а там, пожалуйста, бери в свое удовольствие!.. Вообще-то, мы его от тебя заберем... Хотя бы посоветовался со мной, а то — попалил из винтовки в валдайский шаркунец, расчувствовался и давай хватать пользительного парня!.. Еще говоришь: разум — превыше всего!..

— А где я мог тебя разыскать? Ты как сквозь землю провалился!

— Какой же ты следователь?

— В самом деле, Виктор, где ты остановился?

— У нового приятеля. У церковного старосты Воскобойникова. Прекрасный человек!..

— Ты?! У церковного старосты?

— А что? Кладезь легенд и преданий. Скот не режет, в решениях осторожен. Не хуже нашего Пахомова. Избирательных прав, к сожалению, не лишался...

— Вот именно — к сожалению...

— Да. Идеологически — явно не выдержан. Если вздумает у тебя просить рекомендацию в партию — воздержись. Советую по-дружески... Зато какие пуховики! Пышки, мед! А дочка!..

— Брось балаганить, черт! Рассказывай про Поливанова.

— Я Федьку и не узнал бы: до того возмужал. Конечно, десять лет — не шутка.

— Так когда же у тебя знакомство с ним началось?

— Все тогда же, в двадцать втором... Федино папочку в перестрелке сильно повредили наши. Стрелял купец плохо. И папа — помер... Скотпромышленник был вдовый, и Федьку мы определили в детский дом. Он был хром от рождения, застенчив, и мне в голову не приходило, что из десятилетнего золотушного мальчишки вырастет такая квалифицированная гадина... Вот тебе и комсомол, вот тебе и советское воспитание! Нет, брат, не зря сказано: яблочко от яблони... Ну, еще вопросы по существу имеются?

— Имеются. Какова роль Федьки во всей этой истории? И как ты ее разнюхал?

— Федька — связной и кулацкий агент. Именно он должен был организовать завтра собрание кулацкого актива при дяде, для отработки дальнейших мероприятий. А ты чуть не испортил все дело... Впрочем, поправимо. Федька — трус, в чем ты имел возможность убедиться. И я уверен, что мы сегодня же установим всех претендентов на винтовки и алтайские документы... Касательно второго вопроса, выраженного в такой вульгарно-неприличной для юриста форме, докладываю: при прямой и непосредственной помощи нашего общего друга и доброжелателя, старосты Воскобойникова...

— Ну да?!

— Опять же — ничего удивительного. Когда церковники узнали, что Тихомиров разъярился и стал добиваться права разрушить церковь, они воспылали горячей любовью к Советской власти. Воскобойников еще до нашего с тобой выезда в Воскресенское негласно поделился со мной своими сведениями о появлении в селе матерого черта—Захара Сизых... Все?

— Больше вопросов не имею... А какого ты мнения о моей работе?

— Неплохо. Неплохо... Но чувства, чувства, товарищ следователь!.. Явное преобладание чувств над разумом! Волновался... Согласен?

— Не злословь!..

Беседа с Федькой Поливановым оказалась очень содержательной. Ночь была у нас хлопотливой, но прошла без дальнейших звуковых эффектов, а утром из Воскресенского потянулся длинный обоз, увозивший

десяток кулаков, так и не успевших разобрать по рукам алтайские дары.

Впереди обоза ехали Прибыльцов с Поливановым. Федька правил... По обочинам трусили верхом на лохматых лошадаках воскресенские советчики с алтайскими винтовками за плечами... У некоторых на шапках алены старые, выцветшие, но подновленные красными чернилами, партизанские ленты.

Замыкал вереницу саней человек с военной берданкой поперек седла — Арсентий Климов...

Захар Сизых остался в родном селе. Оживить бандита не удалось...

Мы с Дьяконовым дошли до околицы.

Здесь собрались родственники арестованных. Впереди группки плачущих женщин стоял церковный староста Воскобойников. Сняв свою бархатно-лисю шапку, староста низко кланялся вслед отъезжавшим и крестился... Мелькала обширная розовая лысина...

— Экая сволочь! — не удержался я.

Дьяконов расхохотался:

— Я же говорил: идеологически — не выдержан...

Дьяконов задержался в Воскресенском еще на два дня.

Я приехал в Святское уже ночью. Окна моей квартиры светились.

За столом сидел Лыков и одиноко ел жареную курицу. Семен Александрович, коротко кивнув мне, предупредил:

— Ты не бойся, там, в камбузе, еще одна курица есть... Водки, случайно, из Воскресенска не захватил?.. Я здесь продажу питейного велел пока прикрыть... Не ко времени...

— Нет, Семен Александрович... Как-то не подумал.

— Ну и хорошо сделал... Хотя, вообще-то, с тебя причитается... Жена твоя приехала.

— Как?..

— Очень просто: бросила школу, сбежала из Бутырки и приехала...

Лыков постучал черенком ножика о половицу.

Прибежала жена, бросилась на грудь...

— Ты чего такая зареванная?

— Страшно!.. Не могу я больше, не могу! Ушла из Бутырки... Везде — ужас! Мужики друг на друга зверями смотрят!.. Моего хозяина раскулачили, увезли вместе с семьей, бог весть куда?..

— Надклассово-беспартийный ужас,— мрачно сказал Лыков, положив на тарелку обглоданную куриную ножку. — Хорошая она у тебя... Даже чрез меру — хорошая...

Я думал: стремглав летит по дорогам времени огромное, тяжелое колесо истории, плющит сорняк и разбрасывает в стороны щебенку... Камушки попадают в прохожих... И иных больно ранят...

— Ну и очень хорошо! — как можно веселее сказал я. — Съезди в город, отдохни, развлекись...

— А ты?.. Уедем вместе!.. Если бы ты знал, какая это мука думать, что тебя могут... Боже мой, почему я такая несчастная?!

— Да что со мной может статья? — удивился я.— Ну, приезжаю в село, разговариваю с народом, делаю доклады о законности, иногда допрашиваю начудивших мужиков. Только и всего. Ты совершенно напрасно беспокоишься!.. Вот и в этот раз — съездил, выполнил партийное поручение... Верно, Семен Александрович?..

Семен Александрович развел руками:

— О чем разговор?.. Самое обыкновенное партийное поручение: проверил, как работает изба-читальня. Нечего тебе, Антонина Батьковна, так волноваться...

— Да!..— всхлипнула жена.— Шаркунов сказал Анне Ефимовне, что Дьяконова ранили...

Лыков снова развел руками:

— Ну, поехали!.. Анна Ефимовна — Дарье Сергеевне, Дарья Сергеевна — Марье, Марья — Феклисте, Феклиста — Антонине Батьковне... Разведут такую карусель, что и не разберешь ничего!.. Ох, уж этот мне женотдел! Ладно, супруги... Спасибо за курицу. Вторая — там, в кухне. В целости и сохранности... Я пошел...

Надевая пальто, Лыков сказал мне серьезно:

— Завтра возьми райкомовскую пару и отвези жену на станцию. Нынче в деревне дачникам не сезон. Понял?.. Будь здоров!..